

ИЗВЕСТИЯ

Наши танки шли стальным потоком

Наш спецкор Юрий Снегирев передает из разрушенного грузинской артиллерией Цхинвали

Юрий Снегирев

С 8 августа в Республике Южная Осетия официально разрешили отстрел волков. Слишком много хищников расплодилось за последнее время, и они реально угрожали местному населению. Но именно в этот день, в день открытия Олимпиады в Пекине, начались бомбежки республики. Волки ушли. Зато пришли другие. На танках, штурмовиках и бронетранспортерах. Это они начали отстрел мирного населения. Наших с вами сограждан.

Ровно в 23.20

Я пишу этот репортаж на табуретке в коридоре у миротворцев. По Цхинвали лупят из гаубиц. А коридор - самое безопасное место в здании. Потому что там нет окон. Зато есть двери. При каждом попадании они распахиваются вовнутрь. Капитан-миротворец меланхолично их прикрывает. Идет третий день войны и второй штурм города грузинской армией. Радиоразведка донесла, что на этот раз грузины поклялись сровнять нашу базу с землей. Впрочем, начнем все по порядку.

..Война началась ровно в 23.20 в четверг. Журналисты стояли и ждали выхода командующего миротворцев Марата Кулахметова для экстренного сообщения, когда в 50 метрах от них взорвался первый снаряд. Все стало ясно и без командующего.

В городе пропал свет. Я на попутке кинулся в гостиницу. Кое-как подсвечивая себе дорогу мобильником, под канонаду я выбрался на крышу. Со всех сторон велся огонь. Яркая вспышка на юге и через секунду малиновый разрыв где-то на севере - это гаубица. С севера лупили "Грады" - целое море огня с черными прожилками.

Зарево над городом разрасталось. По слухам горел Дом правительства. Но охрана гостиницы успокаивала нас: детский мир горит! Как будто мы дети и ничего не понимаем! Вместе с Ольгой Кирий с "Первого канала" мы отправились проверять информацию. Уже на подъезде к Дому правительства пахло гарью, по черному небу летели красные искры. Стояла пожарная машина, которую подарил городу Юрий Лужков. Вся крыша дома превратилась в огненную чашу.

Пожарные разбивали топорами двери, совершенно не обращая внимания на рвущиеся рядом мины. Мы сумели проникнуть только на второй этаж. Сверху пылало жаром. Штукатурка с потолка обвалилась, и угольки падали на паркет. Воды не было. Пожарный в робе просто затапывал их. Наконец через окно протянули шланг, и струя ударила в потолок. Он стал набухать и обваливаться кусками.

"Они уже вошли"

Я смертельно устал и поднялся в свой номер за водой. Увидев кровать, моментально рухнул на нее и отключился. Проснулся от тишины. Вдруг за окном во дворе гостиницы послышалась грузинская речь и бряцание оружием. Я на цыпочках ступил на балкон. Внизу строилось отделение. В предрассветной мгле можно было различить постройку натовских касок. Сомнений не было - грузины в городе! Бежать? Но куда?! И я решил затаиться: пусть сами приходят за мной, если это кому-нибудь нужно.

Во второй раз я вскочил с кровати пулей. Со двора раздавался голос корреспондентки "Первого канала" Ольги Кирий. С того самого места, где строились грузины, раздавался ее бодрый голос.

- Грузинские части пытаются войти в город, но встречают ожесточенное сопротивление, - говорила Ольга в камеру.

- Не пытаются! Уже вошли, - чуть не закричал я и побежал вниз. По пути мне встретился осетинский ополченец.

- Э! Беги отсюда скорее! И вашим скажи! Это уже не Цхинвали. Это уже Тбилиси. Миротворцы вас должны укрыть, - посоветовал он.

Ольги во дворе не было. Зато остались два видеоинженера на "флайке" (это такая машина с тарелочкой на крыше - для прямого эфира). Услышав мое сообщение, они стремглав смотали провода. Но мест в машине было два, и я плюхнулся на колени. Рядом с машиной разорвались подряд три мины. Мы вылетели на асфальт, даже не заглушив двигатель, и затаились. Когда чуть поутихло, рванули подальше от гостиницы, которую стали нещадно бомбить. С сожалением я увидел, как из моего номера вырываются клубы черного дыма. Попадание было прямым.

Спрашивать у прохожих, где находятся миротворцы, было бессмысленно. В 6 утра под обстрелом мало кто прогуливается по городу. Так как я весь не помещался в машину, верхняя часть туловища торчала из окна. Так мы и носились по пустым улицам, где валялись свежесрезанные осколками ветви деревьев, а асфальт был пропахан минами. Наконец, мы увидели заветные ворота. Некогда неприступные, они были гостеприимно распахнуты. Ни часового, ни проверки документов. На внутренней стоянке пылали два "жигуленка". Мы влетели в пустой бетонный бокс. И тяжелой журналистской рысью кинулись в штаб.

Что такое пуля после "града"

Это невероятно, но на военном объекте в самой горячей точке Кавказа не было полноценного бомбоубежища! Имелась только щель с перекрытием. Проще говоря - землянка. Это 20 сантиметров грунта над головой и двухэтажные нары внизу. К нашему приезду в щель уже было не протиснуться. Там были женщины, дети и журналисты. Нас до особого распоряжения разместили в штабе...

- Воздух! - после этой команды мы высыпали на крыльцо. Над штабом пронеслись два Су-25. Потом еще три.

- Наши?

- Звезд не видно...

- Сейчас узнаем!

"Сушки" вышли на вираж. От них отделились маленькие черточки. Там, где черточки соприкоснулись с землей, поднялись белые облачка. А уж потом раздался грохот.

- По батальону миротворцев бьют и по жилым кварталам! Не наши, - резюмировал мрачный майор.

Было шесть часов утра. Очень хотелось жить. Но город продолжали нещадно бомбить. После завтрака из макарон и шрапнели, которая пролетала за пока целыми окнами с противным свистом, я не успел добежать до штаба и притаился в солдатской сауне. А что? Железобетон - недурная защита от осколков. Но тут началось такое...

В помывочной - комнате без окон - стояли тазы с водой. Звуковая волна от разрывов просто выплескивала воду на пол. Мне казалось, что бетонные стены ходят ходуном и вот-вот сложатся на моей голове. Только к обеду немного стихло, и я вышел на воздух. Все кругом было засыпано осколками. Но баня выстояла! А вот на штаб было страшно смотреть. Слава богу, мои коллеги и военные успели переместиться в безопасное место. Снаряд упал прямо перед крыльцом.

Вокруг базы строчили автоматы. Свистели пули. Но что такое пуля после "града"? Так, дура! Это грузинские войска после артподготовки "зачищали" квартал за кварталом. Защитники города - югоосетинская армия и ополчение - стали заходить к нам на базу. У всех торчали из-за спины кунусы гранатометных выстрелов. В городе грузинские танки, а ручной противотанковый гранатомет - лучшее средство борьбы с ними.

С гранатометом был и председатель Совета безопасности Республики Южная Осетия генерал-лейтенант Анатолий Баранкевич. Он был мрачнее тучи.

- Связь есть? - это он к журналистам. - Есть телефон сотовый?

Я удивился. У военных в разгар штурма нет связи? Да у одних миротворцев столько антенн понатыкано! Только тут я обратил внимание, что наши связисты колошматят кувалдами по армейским рациям. А новенький ноутбук сначала разбили прикладом, а потом кинули в костер, где уже горела секретная документация с кодами и шифрами. В огонь полетел и десяток офицерских сотовых трубок.

- Чего смотришь? Давай помогай! - офицер связист дал мне толстую папку с приказами и показал, как ее размять, чтобы лучше горела. Другой связист подливал бензинчика в огонь. Всем все стало ясно. Боевого духа эта картина не подняла.

- Передайте лично президенту Медведеву, что мы держимся из последних сил! - кричал в трубку Баранкевич. - Грузинские войска практически овладели городом. Мы ждем обещанного подкрепления! Если в город не войдет колонна, то это будет самое позорное предательство в истории российской армии! Разбомблена больница. Жертвы среди мирного населения неисчислимы! И это граждане России! Помогите!!!

Тут опять начался артобстрел. Я привычно нырнул в баньку и крепко задумался: а почему, собственно, наши обещали, а не идут? И как по-грузински "Не стреляйте! Я журналист"?

"Это круче, чем в Чечне было"

Убежище постепенно заполнялось. Приходили и журналисты, и местные жители, и молчаливые военные в камуфляже без опознавательных знаков. На корточках, обняв автоматы, тосковали миротворцы в голубых касках - совсем молоденькие ребята. Как-то после очередного налета я подслушал спор военных:

- Ты понял, вообще, в какую задницу мы попали? Нас расстреляют первым делом.

- А что ты предлагаешь?

- Выходить! По сопкам. Дорога простреливается.

- Ага! Сопки заминированы!

- Переоденемся в форму миротворцев. Я в спортзале видел. Остаться здесь нельзя ни минуты. Это круче, чем в Чечне было.

- Да, конечно!

Эх, хорошо военным. Переделись - и в горы. А что делать гражданским? Подчеркну, что эти таинственные военные не были миротворцами. А кем они были? Тоже вопрос. Скажу, что у нас в баньке спасалось множество странного люда. Например, молчаливые мужики в гражданском платье, через которое пробивается военная выправка. Я себя почувствовал в Зимнем дворце перед занятием его революционными массами.

Долбили по городу без передышки. Вот уже 12 часов подряд. Вот 15... Вот 18... Я мысленно подсчитал количество и вес снарядов, упавших на Цхинвали. Если учитывать металлоемкость современного оружия, получилось чуть больше Сталинграда. Во всяком случае разрушений здесь не меньше. Меня поразили мои коллеги. Даже гордость взяла, черт побери! Под жесточайшим обстрелом, по телефону и на камеру они продолжали вести свои репортажи. С нами сидел один осетинский журналист. Он запыхался, пробежав весь город под грузинскими снарядами. Описав обстановку, он попросил у офицеров лимонку.

- А тебе зачем?

- Надо. Меня они так просто не возьмут.

Лимонка была выдана. Хартия журналистов запрещает брать в руки оружие. Но здесь особый случай...

А главное - артобстрелы стали просто мешать отправлять естественные надобности. Только выйдешь во двор и на тебе - бегом за дверь от фугаса. Многие не успевали. Страх уступил злости. Если бы грузинские военные слышали, что о них говорили журналисты во время бомбежки, то покраснели бы и ушли из города.

И тут к нам в баньку вошел сияющий генерал-лейтенант Анатолий Баранкевич.

- Поздравьте меня! Я только что подбил грузинский танк. Это раз. А вот и вторая новость: соединения 58-й армии на окраинах города. Враг начал отход. Мы спасены.

Мы кинулись на генерала как на Деда Мороза. У него устала рука от рукопожатий! Словно по заказу выглянуло солнце. И перестрелки затихли. Как мы поняли, грузины бежали.

Ночь на деревянном полу баньки прошла спокойно. Если не считать часового минометного обстрела расположения. Храп одного из наших коллег, право, доставлял больше неудобств. Я засыпал с чувством гордости за нашу великую Россию. Не подвели. Не испугались. Спасители!

Где же вы, танки, были?

А утром опять была война. Кто сказал, что грузинская армия не умеет воевать? Умеет, и еще как! Только журналисты стали собираться в город, как начался такой обстрел, что просто высунуть носа не было никакой возможности. А как же 58-я армия? Где обещанный спецназ? А как же заявление президента Медведева о том, что Грузия за все ответит?

По всем законам военной науки сегодняшний день должен был быть посвящен выбиванию снайперов и диверсантов. А здесь все сначала. Боевой дух стал испаряться на глазах. И главное - стреляли все ближе к центру. Миротворцы словно воды в рот набрали. Из убежища голосили дети. Единственный телевизор, работающий от генератора, показывал только один грузинский канал. Там косяком шли победные новости. Договорились до того, что американский спецназ с военной базы в Узбекистане выдвинулся на машинах в сторону Цхинвали. Вы представляете себе этот маршрут. Они бы еще весь американский флот ввели бы в Гори.

В пять вечера в субботу по гарнизону прошла команда: готовиться к штурму. Даже пресс-секретарь командующего смешанными миротворческими силами капитан Иванов был зол.

- Никакая 58-я в город не вошла. Грузины вчера сами отошли. Мы сегодня свой батальон направили на защиту города. Вместе с осетинами. На три направления разбили. Батальона нет. Грузины в четырех кварталах. Так что держитесь!

У миротворцев только стрелковое оружие. И это против грузинских танков! Молодые ребята обращались ко мне: что делать? Может, переодеться и в горы? И что я им мог посоветовать? Действовать по уставу? По уставу миротворцы не отвечали на обстрел грузинами Цхинвали в 2004 году. Я тогда попал под минометный обстрел в трех шагах от их поста. Когда я подошел к ним и спросил, почему они не навели порядок, офицер ответил просто:

- Приказа не было.

Вот и сейчас: пока миротворцы ждали приказа, в Цхинвали положили две тысячи мирных осетин, граждан России.

Под вечер к нам приехал вице-премьер республики Южная Осетия и представитель в Смешанной контрольной комиссии Борис Чочиев. Он был растерян, устроил пресс-конференцию прямо в караульном дворике, окруженном стеной и колючей проволокой.

- Я ответственно заявляю: 80 процентов города и 90 процентов республики заняты грузинскими войсками. Россия предала нас. Мы несем колоссальные потери.

Блеф о 58-й армии больно ударил по моему самолюбию. Никаких коридоров, никакого подвоза воды и продовольствия, оказывается, не было и нет. Город во власти грузин, и это чудо, что мы еще живы. Ареопак старейшин от журналистики решил: надо прорываться из окруженного города. Понимали: доедут не все. Дорога простреливается. Я позвонил своему коллеге и просто хорошему другу спецкору "Комсомольской правды" Александру Коцу. Он должен был приехать в Цхинвали.

- Юра, я ранен. В руку и ногу. Пулевые. Мы попали в засаду на объездной дороге, - все, что он мне смог сказать.

Часом позже обстреляли съемочную группу корреспондента РТР Александра Сладкова. Саша получил осколок в ногу. Оператор в руку. Водитель контужен. Ну что ж, а вдруг прорвемся... У миротворцев все равно нет техники, чтобы нас сопровождать. И нет сил, чтобы защищать...

Руслан Гусаров с НТВ крикнул:

- Коллеги, у кого нет машин, садитесь к нам!

Два раза просить не пришлось. Тут к нам подошел офицер.

- Ребята, сдавайте броники и каски! Каждый по 17 тысяч стоит. С нас вычтут.

- Да мы ж едем прорываться! Потом во Владикавказе сдадим. У вас тут и так переизбыток касок и броников. Кому скажете - тому и сдадим.

- Нет, ребята, сдавайте сейчас.

Я этого капитана на всю жизнь запомнил. Хоть у меня и не было бронежилета.

Только мы разместились в расстрелянных, с дырами в бортах и латаными камерами машинах, как вышли из подвала осетинские женщины и дети. Ну при чем здесь они? Дали бы коридор для мирных жителей. Так все делают. Нет! Ударили сразу.

Руслан молча уступил место в своем джипе беженцам. Мы тоже вышли из машины.

Последней в колонне шла машина "Пятого канала".

- Снегирев! Чего ты стоишь? У нас одно место! Быстро! - корреспондент Женька Лукинов отчаянно махал рукой. Так я стал эвакуироваться из Цхинвали. Остались благородный Руслан Гусаров и вездесущий Антон Степаненко с "Первого канала". Впрочем, это другая история.

Нас обстреляли из минометов два раза. Ухало так, что мы закрывали глаза и молили Бога. Меняли колесо у "Нивы" "Первого канала".

В Зарском туннеле был дым. Шли танки и другая техника. Таким потоком, что дышать от выхлопов было невозможно. Фонари машин просто терялись. Навстречу шли наши танки. 200 километров танков. Где же вы, танки, были? На глаза наворачивались слезы. То ли от выхлопных газов, то ли от гордости за державу. А скорее от того и другого.

19:21 10.08.08

<http://www.izvestia.ru/special/article3119348/index.html>